

Глава 30

Детский сад на дому и Университет для зомби объявляют набор!

— В нашем учебном заведении работают лучшие преподаватели, педагогический состав чрезвычайно силён.

Директор: Линь Цзао.

Воспитатель детского сада: Папа.

Профессор Университета для зомби: Любимый.

— В нашем учебном заведении имеется многочисленный обслуживающий персонал, обеспечивающий комфортное обучение и проживание студентов.

Охранник: Сяо Цзао с железным прутом.

Комендант общежития: Сяо Цзао в армейском пальто, совершающий ночной обход.

Повар и раздатчик в столовой: Сяо Цзао в фартуке, виртуозно владеющий лопаткой.

— В нашем учебном заведении преподаются три основные дисциплины, гарантирующие всестороннее развитие студентов в области морали, интеллекта, физической культуры, эстетики и труда.

Уроки грамоты, домоводства и развития речи.

В восемь тридцать утра начался первый урок.

Линь Цзао, стоя на табуретке, перегнулся через подоконник маленького окна, держа в руках самодельные карточки с иероглифами.

— «Бао», — этот иероглиф читается как «бао»...

Произнеся слово, он поднял карточку и медленно повернулся, демонстрируя её обоим ученикам.

Линь Сяобао сидел рядом на маленькой скамеечке. Задрал голову и широко раскрыв рот, он послушно повторял за папой.

— Бао... бао...

— Сяобао, ты молодец! Получай награду.

— Спасибо, папа-учитель!

Линь Сяобао просиял и одарил папу сладкой улыбкой.

Линь Цзао в ответ показал ему большой палец.

А вот второй ученик вёл себя далеко не так прилежно.

Фу Чэн сидел на полу, закинув ногу на ногу. Он тоже смотрел вверх, но не на карточку с иероглифом, а на Линь Цзао.

Его мрачный взгляд был прикован к лицу юноши, а в руке он, кажется, что-то держал и водил этим по стене.

Поза Фу Чэна была расслабленной, но выражение лица оставалось серьёзным, а взгляд — властным.

Сяо Цзао явно его недооценивал.

Он был зомби, но не идиотом и уж точно не умственно отсталым.

Он умел читать, говорить, понимал человеческую речь и имел собственные мысли.

Просто...

Иногда он намеренно не слушал Сяо Цзао.

Ему не нужны были ни учёба, ни учитель. Ему нужен был его любимый!

Он не был прилежным учеником, он был хулиганом с последней парты.

На уроках не слушал, после уроков не учился, прогуливал, дрался и даже подумывал о том, чтобы приставать к учителю. В общем, творил всевозможные бесчинства!

Вот и сейчас Фу Чэн не сводил глаз с Линь Цзао.

Он смотрел на его глаза, ресницы, щёки и...

И на его алые, нежные губы.

Линь Цзао широко распахнул глаза и без тени смущения встретил его взгляд.

«Чего уставился? Учитель тебя учит, а ты так на него смотришь?»

«Не смей так на меня смотреть!»

Фу Чэн, глядя на Линь Цзао, погрузился в свои мысли. Он вспомнил, как утром тот поцеловал его в лоб — это прикосновение было таким мягким и тёплым.

Ни с чем не сравнимое ощущение.

Фу Чэн старался не думать об этом, но не мог.

Насколько же прекраснее было бы, если бы это прикосновение пришлось на его губы.

Сяо Цзао поцеловал его, а он не смог поцеловать Сяо Цзао.

Какая несправедливость.

Если бы можно было всё повторить, он бы непременно бросился вперёд и схватил Сяо Цзао.

Словно хищник, поймавший добычу, он бы заключил его в объятия и поцеловал бы так же, как тот поцеловал его.

Нет, не один раз.

Минимум три, а лучше пять, в идеале — восемь, но не меньше десяти.

А ещё лучше — целовать его всю жизнь.

От этих мыслей огонь в груди Фу Чэна разгорался всё сильнее.

Ему не нужен был учитель, ему нужен был его любимый.

И Сяо Цзао должен был учить его не иероглифам, а поцелуям.

В этот момент Линь Цзао, заметив странное выражение на лице Фу Чэна, проследил за его взглядом.

«На что это он смотрит? Я что, супом облился?»

«Что там такого? Почему он так пялится?»

В следующую секунду Линь Цзао всё понял.

Этот негодяй смотрел на него! На него самого!

Линь Цзао тут же выпрямился и замахнулся правой рукой, собираясь его ударить.

— Чэн-гэ, не смей на меня смотреть! Смотри на карточку!

Фу Чэн склонил голову набок, но продолжал неотрывно смотреть на него.

Тоненькие ручки, ножки, никакого оружия в руках, и он собирается его ударить?

Стоит Сяо Цзао войти, и он его поцелует.

Линь Цзао и вправду не мог его ударить, да и сил бы не хватило.

Он лишь заскрежетал зубами, его рука замерла в воздухе и в конце концов опустилась.

Хорошо, просто прекрасно! Фу Чэн совсем отбился от рук!

Он не мог ударить Фу Чэна, но мог уйти!

Линь Цзао вздернул подбородок и с вызовом посмотрел на него.

— Фу Чэн, ты доигрался!

Услышав своё полное имя, произнесённое отчётливо, по слогам, Фу Чэн почувствовал, как его сердце на миг замерло.

Словно пробудились какие-то глубинные воспоминания.

Он вдруг сильно занервничал, по-настоящему.

В следующую секунду Линь Цзао взмахнул рукой, закрыл окно и, развернувшись, ушёл.

— Урок окончен! Пока! До завтра!

Нет!

Тут уж Фу Чэн забеспокоился не на шутку.

Он вскочил на ноги и зарычал.

«Сяо Цзао! Сяо Цзао! Не сердись!»

«Я больше не буду! Не буду приставать к тебе!»

«Не уходи!»

За дверью и стеной Линь Цзао собрал учебные пособия и взял Линь Сяобао за руку.

— Сяобао, идём!

— Папа, куда мы?

— Наверх, спать! Смотреть телевизор! Есть вкусняшки!

— А как же большой папа? Ты же говорил, что будешь учить его говорить.

— Он слишком плохой. Он ужасный, отвратительный ученик. Я решил запереть его на целый день.

— Бедный большой папа.

— Нисколько не бедный, он...

Он приставал к учителю Сяо Цзао, его преступления ужасны, многочисленны и непростительны!

— Идём!

Линь Цзао больше не колебался и, не поддаваясь жалости, потянул Линь Сяобао за собой.

Линь Сяобао ничего не оставалось, кроме как обернуться, бросить последний взгляд на холодную железную дверь и помахать большому папе рукой.

— Пока, бедный большой папа!

Они, словно два котёнка, элегантно вильнув несуществующими пушистыми хвостами, удалились наверх.

Остался лишь Фу Чэн, одиноко прислонившийся к железной двери в кладовке. Его собачий хвост поник, а сердце наполнилось раскаянием.

Он был неправ, он уже всё понял.

Не стоило ему отвлекаться на уроке, не стоило думать о глупостях и уж тем более приставать к Сяо Цзао.

Дайте ему ещё один шанс, он очень любит учиться, не бросайте его.

Учитель Сяо Цзао, ученик Сяобао.

Не уходите!

Прошлой ночью Линь Цзао почти не спал.

Он смотрел запись с видеорегистратора, восстанавливал хронологию ранения Фу Чэна, ходил к нему, утешал его.

Теперь, когда всё закончилось, когда Фу Чэн был в порядке и даже назвал его по имени, Линь Цзао наконец-то смог расслабиться.

А расслабившись, он почувствовал сонливость, голова стала тяжёлой.

Линь Цзао решил немного вздремнуть.

Прежде чем подняться наверх, он достал моток рисовой вермишели, отломил половину и замочил в холодной воде.

Утренний суп с печенью и свининой ещё остался, так что на обед можно будет сварить его с

вермишелью.

Вернувшись в спальню, Линь Цзао переоделся в пижаму и, упав на кровать, уткнулся лицом в подушку.

Линь Сяобао, обняв свои пухлые ручки, стоял у кровати и серьёзно смотрел на него.

— Папа, я так и знал, ты тайком ходил к большому папе, поэтому сегодня такой сонный.

— Да, — Линь Цзао поднял голову. — Большой папа — плохой, а папа всё равно к нему ходил. Что это значит?

— Это значит, что папа непослушный, не хочет спать.

— Это значит, что папа — «большой хороший».

Линь Цзао был полон уверенности.

Линь Сяобао вздохнул.

— Сяобао, папа хочет немного поспать. Ты хочешь поиграть или посмотреть телевизор? Может, включить тебе запись нашей с большим папой свадьбы?

— М-м... — Линь Сяобао покачал головой. — Не хочу.

— Почему?

— Телевизор будет шуметь, — резонно заметил Линь Сяобао. — А спать нужно в тишине.

— Вот как, — Линь Цзао взял его лицо в ладони и ущипнул за щёчку. — Не зря я тебя родил, ты тоже «маленький хороший».

— Конечно.

— Тогда чем ты хочешь заняться?

— Хм... — Линь Сяобао задумался. — Учиться писать!

— Отлично! Какое стремление!

Линь Цзао сел и взял календарь и мелки Линь Сяобао.

— В прошлый раз мы учили иероглиф «сяо», а сегодня выучим «бао». И тогда ты сможешь написать своё имя.

— Хорошо, — кивнул Линь Сяобао.

— А потом выучим имена папы и большого папы, как тебе?

— Угу.

Линь Цзао перевернул страницу и написал своё имя.

Его имя было простым, из прямых линий.

А вот имя Фу Чэна...

— Папа, почему ты остановился? — с любопытством спросил Линь Сяобао.

— Имя большого папы слишком сложное для тебя, давай сначала выучим эти два иероглифа, хорошо?

Линь Цзао взял мелок и написал на бумаге два иероглифа.

Один — «человек», другой — «лошадь».

— Половина имени Фу Чэна.

Едва написав, Линь Цзао не удержался от смеха и быстро зачеркнул написанное.

— Нет, нет, давай лучше начнём с черт.

— Ладно.

Линь Цзао, укрывшись одеялом, прислонился к подушке.

Линь Сяобао, сбросив тапочки, забрался на кровать, прижался к папе и приготовился слушать.

— Это «точка». Правая часть иероглифа «сяо» — это маленькая точка.

— А это «горизонтальная черта»...

Линь Цзао показал сыну, как писать «точку» и «горизонтальную черту», а затем отдал ему календарь, чтобы тот потренировался.

Сам же он, натянув одеяло, скользнул под него и взял с тумбочки будильник.

— Папа поставил будильник. Когда эта стрелка дойдёт до двух единичек, папа проснётся.

— Папа, две единички — это одиннадцать, я знаю.

— Ого, ты уже умеешь считать до одиннадцати?

— Конечно.

Линь Сяобао склонил голову и принялся усердно рисовать точки.

Нарисовав целый ряд, он повернулся к папе.

Папа лежал на кровати с закрытыми глазами и, казалось, уже спал.

Линь Сяобао тихонько позвал:

— Папа?

— М-м? — сонно отозвался Линь Цзао. — Что такое?

Линь Сяобао отложил календарь и придвинулся поближе:

— Какая рука левая?

Линь Цзао наугад поднял правую руку, но, подумав, сменил её.

— А правая?

Линь Цзао поднял другую руку.

— А сколько будет пять плюс шесть?

Линь Цзао проснулся и, сдержав смех, ответил:

— Одиннадцать.

— Ура! Ура!

Неизвестно почему, Линь Сяобао вдруг вскочил на кровати и радостно закричал.

Папа ответил на сложный вопрос и прошёл его «тест на сообразительность».

Папа не поглупел! Ура!

Линь Цзао с улыбкой открыл глаза.

В этот момент Линь Сяобао понял, что кричит слишком громко и может разбудить папу, и быстро прикрыл рот рукой.

Но было уже поздно.

Линь Цзао протянул руку, схватил его и утащил под одеяло.

— Сяобао, ты что, решил меня проверить?

— Нет, — с невинным видом ответил Линь Сяобао. — Я просто боялся, что папа поглупеет.

— Папа — самый умный в семье. Идём спать с самым умным.

— Не хочу... — Линь Сяобао выбрался из-под одеяла. — Я хочу учиться писать, чтобы обогнать большого папу.

— Ладно. Тогда папа будет спать один.

Линь Цзао закрыл глаза.

За одну ночь он испытал столько сильных эмоций, что быстро уснул.

Линь Сяобао, обняв календарь, исписал ещё одну страницу точками.

Пока он писал, точки перед глазами начали превращаться в головастиков.

Он подполз к краю кровати, взял будильник и посмотрел на него.

Папа сказал, ждать, пока эта стрелка... дойдёт...

Но эта стрелка двигалась так медленно!

Он смотрел на неё целую вечность, а она не сдвинулась ни на шаг!

Такая ленивая, неудивительно, что она такая короткая и толстая.

Линь Сяобао положил будильник на место, снова взял календарь и нарисовал полстраницы горизонтальных черт.

Пока он писал, черты начали превращаться в веточки.

Линь Сяобао зевнул и, собрав последние силы, откинул одеяло и забрался к папе под бок.

Учёба — это так просто. Он немного отдохнёт и продолжит!

Линь Цзао обнял Линь Сяобао.

Они проспали до самого будильника.

Линь Сяобао задал папе ещё несколько сверхсложных вопросов, например, сколько будет шесть плюс пять, три плюс восемь и четыре плюс семь.

Ответ всегда был одиннадцать.

Потому что Линь Сяобао пока умел считать только до одиннадцати, загибая пальцы на ногах.

Линь Цзао ответил на все вопросы правильно, и только после этого они встали и пошли готовить обед.

Вермишель уже достаточно размокла. Половина мотка, впитав воду, превратилась в целую миску.

Линь Цзао вынул вермишель, положил её в дуршлаг, чтобы стекла вода, включил плиту,

разогрел сковороду, налил масла и пожарил три яичницы-глазуньи.

Круглые, плоские, с поджаристыми, хрустящими краями, с чётко очерченными белком и желтком. Белок был нежным, а желток — рассыпчатым.

Линь Цзао с трудом сдержался, чтобы не откусить кусочек, и, сняв яичницы со сковороды, сложил их стопкой.

Затем он поставил на плиту кастрюлю с водой, чтобы сварить вермишель.

Вермишель — самое простое, что можно приготовить.

Вода закипела, бросил вермишель, и готово.

Главное — стоять рядом и помешивать, чтобы не прилипла ко дну и не подгорела.

Через пять минут вермишель была готова. Линь Цзао снял кастрюлю с плиты и поставил разогреваться утренний суп с печенью и свининой.

Воду от вермишели они выливали, она была солёной и невкусной, а у них был суп получше.

Одна конфорка, конвейерная работа — обед был готов в мгновение ока.

Линь Цзао палочками разложил вермишель по тарелкам, добавил по половнику супа с мясом и отнёс на стол.

— Кушать подано!

— Спасибо, папа.

Линь Сяобао, сидя в своём стульчике, взял вилку, нацелился на вермишель и принялся накручивать её.

Палочками у него не получалось, вермишель всё время ускользала, хуже, чем свиные ушки, поэтому...

Этому способу его научил большой папа!

Большой папа рассказывал, что когда он заработал немного денег, то повёл папу в дорогой ресторан, и там все так ели спагетти.

Он передал этот способ Линь Сяобао как семейную реликвию!

Кстати, о большом папе...

— Папа, — Линь Сяобао поднял голову, — а мы не понесём обед большому папе?

Линь Цзао, втянув в себя порцию вермишели, прожевал и проглотил.

— Плохие мальчики едят только то, что останется.

— Ладно, бедный большой папа.

— М-м? — Линь Цзао покосился на него.

Линь Сяобао тут же исправился:

— Бедный плохой мальчик.

Линь Цзао рассмеялся.

Пообедав, они взяли контейнер с едой и пошли вниз, к Фу Чэну.

Линь Цзао не стал входить, а, как и раньше, подошёл к окну, положил контейнер в корзину и спустил на верёвке.

Всё это он проделал молча.

Фу Чэн жалобно звал его, но он отвернулся.

Хмф! Гадкий зомби-извращенец, он всё ещё злился!

Передав еду, Линь Цзао закрыл окно и спрыгнул с табуретки.

Он не спал всю ночь, и хотя утром немного вздремнул, всё равно чувствовал себя разбитым, словно парил в облаках.

Он твёрдо решил, что больше никогда не будет сидеть до поздна.

А вот Линь Сяобао проспал всё утро.

Теперь ему спать было нельзя, иначе ночью не уснёт.

Поэтому после обеда они занялись домашними делами.

Помыли посуду, подмели пол, сменили воду у салата, проверили, не испортились ли овощи.

Линь Сяобао, вооружившись своей игрушечной палицей Цзиньгубан, следовал за папой, инспектируя их продовольственные владения.

Он то и дело крутил палицей и выкрикивал «Хэй-я!».

Он был маленьким защитником папы! Он должен был защищать папу!

Когда они проходили через гостиную, Линь Сяобао вдруг услышал тихий собачий лай.

— Гав...

— М-м?

Линь Сяобао обернулся и посмотрел в сторону звука.

— Папа, там собака!

<http://bllate.org/book/16977/1587319>